

Мария шла по тропинке, глубоко вдыхая свежий утренний воздух. Вчерашнее раздражение постепенно проходило, растворяясь в утренней тишине и свежести.

Накануне по телевизору показывали первую серию снятого по ее роману сериала. Казалось бы, такое приятное событие, но некоторые собратья по литературному цеху весь вечер смотрели на нее с неприкрытой ненавистью: казалось, что от взглядов двух закадычных подружек Ляли и Гали, которые на пару писали любовные романы под совместным псевдонимом Лилия Саронская, может воспламениться одежда.

— Какое убожество! — заметила Галя Ляле, закатывая глаза и делая вид, что не видит Марию. — Как это низкохудожественно! Как вообще можно такое снимать?

— А что ты думаешь? Некоторые безответственные авторы потакают самым непритязательным вкусам... такая примитивная по-

шлость — гарантия успеха у нетребовательной публики! — ответила Ляля подруге и, притворившись, что разглядела Марию только что, проговорила сквозь зубы: — Поздравляю! Поздравляю! Этому сериалу гарантирован успех у самых широких слоев!

«Нечего придавать значение их словам, — внушала себе Мария, шагая вперед, — они так говорили исключительно от зависти!»

Тропинка, достаточно широкая, вилась среди густых зарослей вереска, внизу дышало и ворочалось море, и его мерное, мощное дыхание наполняло мир красотой и смыслом. Обитатели пансионата в шутку прозвали эту тропинку дорогой смерти, потому что она шла по самому краю обрыва, впрочем, чтобы сорваться с нее, нужно было постараться.

От быстрой ходьбы Мария действительно успокоилась. Что значат эти мелкие придирки недалеких завистливых особ по сравнению с августовским утром?

Мария любила вставать пораньше и гулять вдоль моря, пока остальные постояльцы спят, однако сегодня увидела впереди Валентина Виленовича Волчка, пожилого писателя, прозванного в пансионате ВВВ.

Когда-то давно Волчок писал sentimentальные романы из школьной жизни — обычно от лица наивной, трогательной старшеклассницы, — посвященные пробуждению первых

чувств и проблемам взросления. Несмотря на солидный возраст, он был крепким бодрячком и приверженцем здорового образа жизни, поэтому и вставал так же рано, как Мария, и в любую погоду отправлялся купаться.

Марии было холодно даже смотреть, как он входит в серо-синие балтийские волны... Все-таки конец августа. Хоть и лето по календарю, но вода уже остыла. Да и лето было прохладное, жарой не баловало.

Вот и сейчас Волчок бодро шагал к берегу, перекинув через плечо полотенце, на котором выделялся штамп пансионата. Только направлялся он не к пансионатскому пляжу, а к дальней бухточке, расположенной среди камней.

Что ж, этот хоть не завидовал и гадостей за спиной не говорил. Скорее всего ВВВ понятия не имел о том, что пишет Мария, и про сериал тоже не знал. Он вообще всегда говорил только о себе, любимом, и больше никем и ничем не интересовался. Ну, еще любил вспоминать советские времена, как он тогда хорошо жил.

Мария догнала Волчка, приветливо поздоровалась и спросила, почему он не купается возле пансионата.

— Мелко там, — ответил Валентин Виленович густым оперным басом. — Идешь, идешь, а все по колено! Как говорится, по морю, яко посуху... Не люблю я этого, как детишки в лягушатнике...

В этом месте тропинка разделилась. Волчок пошел вниз, к морю, вполголоса напевая арию варяжского гостя, Мария направилась дальше по «дороге смерти».

Шагая вперед, она не только любовалась утренним пейзажем, но и посматривала под ноги, так как имела забавную привычку: собирать всякие бесполезные мелочи, попадавшие на дороге во время утренних прогулок. Собственно, появилась эта привычка у нее с тех пор, как она стала ездить отдыхать в интересные места.

Сами понимаете, если бежишь утром из дома к станции метро, то под ноги может попасть только продукт жизнедеятельности невоспитанных собак или пивная банка, так что Мария собирала симпатичные мелочи только на отдыхе.

Это могло быть что угодно: пластмассовый игральный кубик, крошечная детская машинка, смешной человечек из набора Лего, необычная ракушка, красивая бусинка, резная шахматная фигурка, детский браслетик... все это Мария подбирала, как сорока, иногда, перед тем как забрать, фотографировала в том месте, где нашла, и складывала в специальную коробочку. А потом перебирала свои находки и придумывала про каждую какую-нибудь историю...

Вот и сейчас она внимательно смотрела под ноги, не попадет ли ей что-нибудь интересное, и внезапно справа от тропинки увидела

сразу несколько забавных вещиц, аккуратно выложенных в ряд, как на прилавке магазина, и словно дожидавшихся Марию.

Она наклонилась и внимательно разглядела свои находки: серебряную сережку в форме птички, огрызок простого карандаша, мелкую медную монетку, прозрачную пуговицу, свинцовую пломбу, какими пломбируют мешки с деньгами и ценностями, старую, погнутую алюминиевую ложку и плоский металлический ключик.

Мария по привычке сфотографировала все находки, аккуратно собрала их в полиэтиленовый пакетик и не успела двинуться дальше, как услышала доносящийся снизу, с берега моря, приглушенный шумом прибоя крик.

Она подошла к краю обрыва и взглянула вниз. Там, на узкой полоске пляжа, стоял Валентин Виленович и возбужденно махал руками. У его ног валялось что-то бесформенное.

У Марии на мгновение замерло сердце. Но только на мгновение. А когда она поняла, что это такое, стремглав бросилась к берегу.

Она не помнила, как спустилась — где-то на своих двоих, где-то просто съезжала на пятой точке, цепляясь за кусты и пучки травы, чтобы замедлить спуск. Во всяком случае, через две или три минуты она стояла рядом с Валентином Виленовичем и в ужасе смотрела на то, что увидела сверху.

Нечто бесформенное оказалось трупом молодой женщины. Голова была повернута под немыслимым углом, широко открытые глаза без всякого выражения смотрели в розовеющее утреннее небо.

— Ва-ва-ва... — услышала Мария странный звук и сосредоточилась, пытаясь понять его происхождение. А вскоре до нее дошло, что сама же его и издает, стуча при этом зубами: — Ва-ва-ва...

Сделав над собой немыслимое усилие, она закрыла рот и замолчала.

— Она это... — проговорил Волчок, потирая левую сторону груди.

— Кто — она?

— Альбина...

Приглядевшись, Мария поняла, что Валентин Виленович прав: перед ними лежала самая молодая участница писательского семинара Альбина Борэ.

— Сорвалась с обрыва, наверное... — произнес Волчок, как-то странно поморщившись. — «Скорую» вызовите!

— Вам плохо? — переспросила Мария, не сводя глаз с трупа.

— Да при чем тут я! «Скорую» полагается вызывать в таких случаях... и полицию тоже.

Мария стояла в растерянности, и Волчок, снова поморщившись как от зубной боли, повторил:

— Да позвоните же! Я бы сам позвонил, да у меня телефона нет. Я же купаться шел!

— Да, да, конечно...

Мария опомнилась и дрожащими руками достала телефон. Она никак не могла вспомнить, как вызывать полицию и «скорую», и набрала номер ресепшена пансионата, который уже был в памяти телефона.

Ей ответил полусонный голос дежурной.

— Скорее! — выпалила Мария. — Скорее! Вызовите «скорую» помощь и полицию!

— Вы что такое говорите? — опешила дежурная. — Какую полицию? Женщина, перестаньте хулиганить! Я вешаю трубку!

— Не вешайте! Да проснитесь же, наконец! Здесь женщина мертвая... из нашего пансионата... она разбилась...

Дежурная всполошилась:

— Вы ничего не путаете? Она действительно мертвая?

— Мертвее не бывает!

— Да где же это?

— На берегу, около пляжа... там, куда спускается тропинка...

Дежурная мгновение помолчала, осознавая услышанное, и проговорила совсем другим голосом:

— Никуда не уходите! Сейчас к вам придут!

В трубке запищало, и Мария повернулась к Валентину Виленовичу:

— Сейчас кто-то придет...

Волчок сидел на камне, потирая левую руку. Лицо у него было нездорового сероватого цвета.

— Что с вами? — забеспокоилась Мария.

— Ничего... сердце немного прихватило... сейчас пройдет...

— Эй, вы не того! — Она представила, что останется наедине с двумя трупами, — и ей самой стало дурно.

К счастью, скоро на берегу появилась фельдшер из пансионата Сусанна Павловна в сопровождении толстого охранника Миши. Тот посмотрел на труп и присвистнул:

— Ох, ни фиги себе!

— А «скорую» вызвали? — спросила Мария.

— Вызвали, вызвали! — Миша махнул рукой. — Да ей «скорая» уже без надобности.

— Ей — да, а вот ему... — Мария показала на бледного Валентина Виленовича.

— Ох ты, — Миша еще больше расстроился. — Скоро должны приехать, у нас близко... вот посмотрим, кто раньше приедет — медики или полицейские...

И правда, вскоре на берегу появилась пансионатская дежурная, за которой поспешали два медика в голубой униформе, со складными носилками. За ними осторожно двигался кое-кто из писателей, Мария узнала знакомые лица.

Медики осмотрели труп, потом подошли к Валентину Виленовичу и стали оказывать ему

помощь. Мария видела и слышала происходящее, как сквозь толстое стекло.

В эту минуту к ней приблизилась дежурная, наклонилась к уху и вполголоса проговорила:

— Вы извините, у вас брюки...

— Что? — переспросила Мария недоуменно.

— Порваны, — ответила дежурная и глазами показала на заднюю часть брюк.

Мария извернулась, как могла, и ей стало дурно: мало того что вся одежда была перепачкана землей и утыкана колючками, так любимые спортивные брюки разорвались по шву на самом интересном месте. Она охнула, натянула футболку как можно ниже и припустила в сторону пансионата.

К счастью, по дороге ей никто не встретился. Почти.

Уже перед самым пансионатом Мария увидела машину с включенным маячком. Перед ней, опершись на капот, стоял мрачный мужчина с густыми сросшимися бровями, который раздраженно разговаривал по телефону. Второй сидел в машине.

Увидев Марию, бровастый отвлекся от разговора, мрачно зыркнул на нее и процедил:

— Женщина, вы куда? Сюда нельзя!

— Как нельзя? — пролепетала Мария, судорожно натягивая футболку.

— Нельзя — значит, нельзя! Значит запрещено! Здесь место возможного преступления!

— Но я здесь живу, в этом пансионате!

— А тогда следуйте в свой номер и не выходите оттуда, чтобы не мешать следственным действиям!

— Вот еще... — буркнула Мария, боком входя в здание.

На ее счастье, все обитатели пансионата были на берегу, и в коридоре она никого не встретила.

Надежда Николаевна проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Не открывая глаз, она отпихнула чужую руку и повернулась на другой бок.

— Надя! — раздался очень знакомый голос. — Надя, проснись! Проснись, говорю!

Надежда всегда спала крепко и без сновидений, единственная проблема состояла в том, что по утрам очень не хотелось просыпаться. Ну, когда было нужно вставать на работу — тогда, конечно, чувство долга одерживало верх, но сейчас-то зачем просыпаться в такую рань? С чувством времени у Надежды Николаевны всегда было хорошо, так что она не открывая глаз определила, что утро раннее, часов семь или около того. Завтрак в этой богадельне в девять утра, а душ принять она и за десять минут успеет. Так зачем вставать?

— Надежда! Немедленно проснись! — заорал кто-то не своим голосом и сорвал с нее одеяло.

Без одеяла стало некомфортно, и Надежда поняла, что проснуться придется. Она наконец открыла глаза и села на кровати.

Над ней возвышалась подруга Машка.

Очевидно, разуверившись, что Надежда Николаевна проснется, Машка решила применить старый проверенный способ, а именно облить ее водой. Стакан имелся тут же, на тумбочке рядом с кроватью, а Машка стояла с надутыми щеками.

— Ну что случилось? — недовольно спросила Надежда.

Машка хотела ответить, но вовремя сообразила, что не может открыть рот, и с усилием проглотила воду, которая застряла у нее в глотке. Надежда была вынуждена с размаху стукнуть подругу по спине, после чего Машка прокашлялась и плюхнулась на кровать.

— Ну что опять за пожар? — недовольно заговорила Надежда Николаевна. — Почему ты с утра на взводе?

Вид у Машки был ужасный: волосы дыбом, глаза выпучены, спортивные брюки на коленях вытянуты, футболка на животе грязная. По земле каталась, что ли? С нее станется.

— Надя, — теперь Машка говорила тихим прерывающимся голосом, — ты не поверишь, но я видела труп.

— Чей труп? Ты нашла на тропинке дохлую крысу? Или белка прыгнула на провода под